

Морозкина Л.З.

15/III 88

Горьковский район
г. Горький

15 МАР 1988

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

ЖЕМЧУЖИНКА

ОДНАЖДЫ ответственный работник Министерства культуры, посмотрев в Горьковском академическом театре драмы спектакль «Брат мой», выступил перед труппой с очень резкой критикой. И была в его отпозеде одна ласковая фраза, примерно такая: «Я видел глаза Лидии Захаровны Морозкиной...»

Факт памятный, потому что руководители в Министерстве культуры редко помнят по именам и отчествам периферийных актеров, а в глаза им заглядывают еще реже, тем более в неполюбившихся спектаклях. «Брат мой» в тот вечер действительно не получился. Случилось так, что пришлось вместе играть актерам из разных составов, и что-то у них с самого начала не клеилось, вплоть до сцены матери, когда она рассказывала странную историю об умершей девочке-сиротке.

Лидия Захаровна Морозкина всегда играет эту сцену прекрасно. Она упивается таинством, колоритом шукшинского слова. В секунду обыкновенная деревенская тетя преобразается в такую мастерицу-сказочницу, что и искушенный зритель открывает рот, заслушавшись, как в детстве. Может быть, секрет такого воздействия и в самом деле в глазах — мудрых, лукавых, таящих что-то.

Творческая лаборатория Лидии Захаровны Морозкиной непроста, и едва ли есть возможность досконально в ней разобраться. Но то, что таких женщин, как ее Диана Ивановна («Ретро» А. Галина) или Ганна («Вечер» А. Дударева), может сыграть человек только уникальной душевной красоты, бесспорно. У другой хорошей актрисы они тоже будут и добрыми, и славными. Но человеческая щедрость героини Морозкиной — как бы определить ее поточнее — многогранная, лучистая. Постановщик «Брата моего» Геннадий Кириллов смотрел-смотрел на Морозкину-мать и обобщил: «Жемчужинка».

Она не привыкла к почестям, к кинам, к славе. Просто

поразительно: за пятнадцать лет жизни Лидии Захаровны на сцене Горьковского академического театра (а на ее счету здесь прекрасные работы: Улита в «Иудушке Головлеве», Бальзамина в «Похождениях Бальзамина», тетка Фарятьева в «Фантазиях Фарятьева») ни одна горьковская газета не написала о ней больше пяти строк кряду. Правда, эти строчки в основном из эпитетов: «отличная», «колоритная», «яркая», «органичная», «прекрасная», «точная».

Лидия Захаровна Морозкина приехала в Горький из всеобъемлюще известного новосибирского театра «Красный факел» в звании заслуженной артистки РСФСР, имея за плечами более сотни ролей в самых разнообразных и очень достойных сценических произведениях. Но никто в Горьком про это не слышал и не знает. Могут по-настоящему не узнать: у Лидии Захаровны нет архива, а сама она о своем творчестве судит примерно так: «Я, — говорит, — знаю свое место. Я — бытовая, характерная». Возможно, для неискущенного слуха это и прозвучит обиденно, но люди театральные знают, что в такой форме актеры говорят о своих возможностях и планах исключительно редко, даже вполне скромные...

Когда Лидии Захаровне Морозкиной выпала возможность играть в спектакле «Уроки музыки» по пьесе Л. Петрушевской и репетировать с Романом Виктюком, одним из интереснейших современных режиссеров, она оказалась абсолютно готовой к этому экзамену. Бабка — центральная роль спектакля. Ее зерно — тусклая судьба, неразвитая, какая-то полуродившаяся душа, боязливая и закрытая. Актриса с горечью передает ее однообразные, утомительные движения и всей силой своего дарования ищет из этого состояния своей «героини» выход. Бабка не может спастись добротой, которая озаряет женщин, живущих рядом: не дотянуться ей до той спасительной доброты. Может быть,

практицизм? Но нет, и в этом бабушку легко обходят. Остается ей только глухая, горькая обида.

Исключительной сложности образ. И не только в плане актерской техники. Морально сложный. Должно быть, в этом смысле бабка Морозкиной дорогого стоила...

Зрителя же она потрясает. Он встревожен, обескуражен. Откуда, почему в маленьком ладенском существе, внешне вполне человекообразном, так мало человеческого? Какое уж тут «бытовая, характерная»? Вдруг призадумываешься: а не трагическая ли? И осечешься на полуслове, потому что все эти эстетические изыски в данном случае как-то мало что проясняют. Трудно объяснить, почему, но, определяя ее метод, форму, стиль, упускаешь что-то существенное из простого явления «актриса Морозкина». Что-то в ней теорией не ухватишь. Может быть, это правда, на которую у Лидии Захаровны особенное чутье?

Вот сидит на завалинке Ганна, маленькая чуткая старушка, внимательно слушает. Ей

уже за семьдесят, но по-прежнему все в ней живо. Ей интересен и хитрый Гастрит со своими расчетами, и простодушный Мультик. В ней нет ничего необычного. И декорация вокруг незамысловатая: завалинка, изба, трава — во всем угадывается фактура фанеры, ткани, папье-маше. Но Морозкина так ходит, так дышит среди них, что эта бутафория начинает жить какой-то особенной жизнью. И Ганна — уже не древняя бабушка из далекой деревни, а кто-то очень вам родной. Вы откликаетесь на каждое движение, болеете ее одиночеством и тревогой.

Все, что вокруг Морозкиной, — дело режиссеров, драматургов, художников. С них свой спрос. А про нее в иных спектаклях не знаешь, как и говорить. В привычно театральной атмосфере — настоящая жизнь, сама правда, та, что емче и богаче любых о ней толкований.

Л. ХАЗИНА.

НА СНИМКЕ: Лидия Захаровна Морозкина.

Фото Б. РОМАШИНА.